

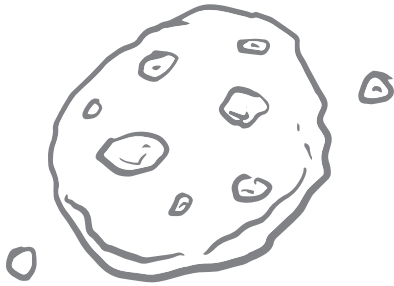
ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава 1. Шум школы	10
Глава 2. Шум переезда	41
Глава 3. Шум между этажами	63
Глава 4. Шум мотоциклов	83
Глава 5. Шум детской площадки	105
Глава 6. Шум сердца	124
Глава 7. Шум визита	144

Бисквит

Глава 8. Шум больницы.....	164
Глава 9. Шум побега	183
Глава 10. Шум освобождения.....	207
Эпилог	232
От автора	249

ПРОЛОГ

В мире существуют люди, которые разучились проявлять характер и стали незаметны глазу. По тем или иным причинам они теряют свое присутствие в мире и отдаляются от всех.

Я называю таких людей «*бисквитами*».

Как и бисквитному печеню, им свойственно легко ломаться. Их нетрудно надломить, разломать на кусочки и раскрошить, не прилагая для этого особых усилий. Так бисквиты, изолированные ото всех и загнанные в собственный мир, становятся невидимками.

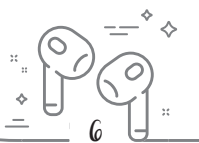

Довольно часто их принимают за призраков или какие-нибудь другие паранормальные явления — настолько они незаметны. Однако это не значит, что в таком огромном мире не могут существовать призраки или нечто сверхъестественное. Хотя, на мой взгляд, когда люди поднимают панику из-за расплывчатых фигур на фото или жуткого ощущения в безлюдных местах, чаще всего рядом с ними просто находится бисквит.

Я распознаю присутствие бисквитов по звукам. Слышу слабое дыхание, обессиленные шаги или тихий шорох одежды и понимаю, что бисквит где-то рядом. Стоит расслышать, я тут же его увижу.

В основном у бисквитов размытый образ — степень размытия зависит от того, как они воспринимают сами себя. Я разделяю их на три стадии.

Первая стадия — стадия надлома пополам. Бисквит еще не стал невидимкой, но уже потерял присутствие. Поэтому люди вокруг удивляются, когда внезапно обнаруживают, что все это время он находился рядом с ними. Контур тела размыты, и в целом образ нечеткий. Люди с хорошим зрением, встретив бисквита на первой стадии, могут подумать, что столкнулись с тенью.

Вторая стадия — стадия разлома на кусочки. Пятеро из десяти человек уже не смогут распознать бисквита, даже если он будет стоять прямо у них под носом. Его присутствие нестабильно, а возможность защищать себя очень слаба. Образ настолько расплывчатый, что даже если ты его увидишь, то не сможешь понять, что именно это было — он выглядит так, будто смотришь сквозь мутное стекло. Бисквиты, которых принимают за призраков или нечто потустороннее, также относятся ко второй стадии. Их присутствие зачастую раскрывается голосом, из-за чего люди вокруг могут испугаться внезапного звука.

Третья стадия — стадия крошек. На этом этапе бисквит полностью теряет присутствие и находится на грани исчезновения из мира. Он настолько незаметен глазу, что напоминает невидимку, и даже мне будет трудно найти его по звуку. До сих пор я встречал бисквита на третьей стадии лишь однажды. Такой бисквит уже давно потерял веру в себя, а люди вокруг перестали обращать на него внимание. Таким образом, он, не найдя храбрости проявить себя, попадает в замкнутый круг и лишь сильнее скрывает свое присутствие.

По моим наблюдениям, стадии у бисквитов часто меняются. Думаю, это связано с тем, что

их самовосприятие рушится и выстраивается заново по несколько раз за день. Конечно же, есть и такие люди, которые могут уверенно постоять за себя, и они не превратятся в бисквита.

Бисквиты существуют везде, и попасть в их число может кто угодно. Уверен, ребенок из квартиры сверху тоже им стал. Станный плач, который раздавался в ту ночь, определенно связан с бисквитами.

Должен признать, в тот день я сам был не в лучшем состоянии. Еще до того, как услышать плач, я заперся в своей комнате не по самым приятным обстоятельствам. У всех ведь бывают такие дни? Когда думаешь, что даже солнечные лучи лишь насмеются над тобой, а жизнь кажется такой незначительной, — чувствуешь себя совершенно бесполезным.

Врач, воспользовавшись моим уязвимым состоянием, посоветовал признать, что бисквит — всего лишь плод моего воображения. Сказал, что стоит мне это понять, как все те вещи, что раньше сбивали меня с толку, тут же встанут на свои места. Другими словами, признать бисквитов выдумкой, помахать белым флагом и сдать-ся. Но какой вообще смысл обращаться за лечением в больницу, которая не верит своим же пациентам?

Скорее всего, из-за моих шалостей лечащий врач-шарлатан предложил следующее: если я искренне в письменном виде объясню, зачем пытался проникнуть в квартиру сверху, — он рассмотрит вопрос о моей выписке.

А мне просто необходимо выбраться из больницы. Я должен выяснить, что скрывалось за той жуткой улыбкой, которую бросил мне сосед сверху из-за спин полицейских, и почему бисквит не воспользовался шансом сбежать. В чем я точно уверен: тому бисквиту срочно нужна помощь. Его жизнь может быть в опасности.

Поэтому я должен как можно скорее написать о произошедшем. Даже если придется оглянуться назад и признать, что я был не прав.

ГЛАВА 1

ШУМ ШКОЛЫ

С чего бы начать? Да, думаю, лучше будет с четверга. С того самого дня, когда несколько моих неумышленных поступков связались друг с другом в узел и привели к роковым последствиям. Я вернусь назад на неделю после моей последней выписки и постараюсь прояснить обстоятельства.

Любой, кто в течение долгого времени был вдали от дома, знает, что в первую неделю после возвращения выполняются все особенные планы: встретиться впервые за долгое время с друзьями, обсудить дела и понять, что у всех стар-

шекласников будни одинаковые. Мне специально позволили покинуть больницу, чтобы отпраздновать первые летние каникулы после поступления в старшую школу. Но все мои друзья оказались заняты либо дополнительными курсами, либо подработкой, поэтому просто увидеться — не говоря уже о совместном путешествии — было возможным, только если наши графики совпадали.

Не то чтобы я сам был свободен, у меня тоже имелись дела. Как только мама узнала о моей скорой выписке, она сразу же записала меня в известную школу дополнительного образования на курсы английского и дожидалась моего возвращения. По ее словам, я не мог быть в Корее. Потому что то и дело попадал в «санаторий» или же, по словам отца, — «туда». Судя по тому, как родители никогда не называли «Центр специализированной психиатрической помощи неврологических расстройств» своим названием, они, видимо, переживали, что получение психиатрического лечения в будущем станет для меня серьезным препятствием. Будто мне и без того не хватало преград в жизни.

Я прошел три вида звуковой терапии: от зацикленности на звуках, от гипер акузии и от фоно-

фобии. Мою болезнь проще понять, если представить себя растерянным младенцем, который внезапно оказался в мире, полном агрессивных, нападающих звуков. Когда вы бессильны против такой звуковой атаки, мир становится плоским, а вам трудно дышать.

Что еще хуже — не существует никаких четких критериев осознания звуков. Восприятие меняется в зависимости от моего настроения или самочувствия в конкретный момент: иногда даже секундная стрелка часов тикает слишком громко, а порой, проходя мимо стройки, я вообще не ощущаю шум.

Старый шарлатан диагностировал, что стресс повлиял на работу моей нервной системы. И если эту проблему можно решить с помощью гормональной терапии, то навязчивое желание отомстить источникам раздражающих звуков таблетками вылечить будет трудно.

В любом случае то, что я вечно оказываюсь в психиатрическом центре, — секрет. Мое прикрытие: я школьник, которого часто отправляют на языковые курсы куда-то на восток США. Перед каждой моей выпиской мама всем вокруг рассказывает, что я ездил на краткосрочное обучение за границу улучшать свой английский, или что я вернулся домой с учебной программы по

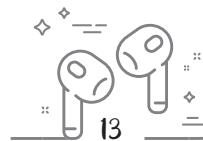
обмену, или что отдыхал у родственников в другой стране.

Мама еще не догадывается, но те, кто знают меня лично, прекрасно понимают, что ее слова — ложь. Она лишь напрасно тратит силы на создание моего образа. Впрочем, я не собираюсь ее останавливать.

— Раз уж ты ездил учить английский, то должен хоть немного знать этот язык.

Когда мама, внимательно наблюдая за моей реакцией, предложила ходить на курсы английского, я не стал возражать. Как матери, ей было важно сохранить свою репутацию, поэтому я изо всех сил старался быть примерным сыном. Разве не лучше так, чем видеть ее отчаявшейся? Поэтому в тот четверг я пошел на курсы английского.

Перед выходом из дома я воткнул наушники, на тихой громкости включил классическую музыку и почувствовал, как отрываюсь от всего мира. До сих пор пользуюсь проводными наушниками-вкладышами. Они идеально подходят по форме моим ушам и хорошо блокируют внешние шумы. Именно поэтому, когда меняю наушники, мне сложно привыкнуть к слегка изменившемуся звуку. Медленным шагом я направился в школу, которая находилась в трех остановках от дома.

Я чувствовал легкость и в то же время одиночество. Удобнее было бы доехать на автобусе, но не хотелось сталкиваться с другими людьми, поэтому все же пошел пешком.

Когда я разблокировал телефон, чтобы поставить музыку на повтор, мимо с грохотом пронеслась группа мотоциклистов. Рев двигателей сразу пяти моторов пронзил мои барабанные перепонки. Им эта дорога принадлежит, что ли? С трудом я пытался сдержать порыв последовать за ними и отомстить, пока внутри меня что-то закипало.

Придя в школу, я купил в автомате колу и вошел в класс. Докхван — мой лучший друг, с которым я вместе учусь с детского сада, — приветственно поднял руку. Он был примерным учеником и ни разу не становился бисквитом. По оценкам он входит в тройку лучших по всей школе, что делает его присутствие в ней явным. К тому же Докхван сам признает свои способности и любит себя, поэтому, скорее всего, ему никогда не стать бисквитом.

Я сел рядом с ним, вынул наушники и тут же услышал скрежет стульев по полу. Это был плохой знак. В местах скопления большого количества людей возникновение различных шумов неизбежно. Но даже с учетом этого школа поистине

представляла собой сборище раздражающих звуков. В классе, где все должны сидеть тихо и быть сосредоточенными, обычные звуки вроде тихого скрипа стола или стука распахнувшейся двери превращаются в раздражители. Больше всего я не выношу щелканье ручкой. Из-за такого пустякового действия — повторяющегося нажатия на кнопку, бывает, теряю над собой контроль.

Если это неосознанная привычка, я бы предложил заменить ее на то, что не будет мешать окружающим — например, грызть ногти или накручивать на палец прядь волос. В особенности это касается того парня во втором ряду, похожего на бонобо — карликового шимпанзе. Не прошло и пяти минут с начала занятия, как он начал щелкать ручкой и продолжал так делать минут тридцать. Такое безразличное по отношению к окружающим поведение можно было проигнорировать, только выйдя из класса. Даже Докхван, которого, по всей видимости, тоже раздражало щелканье, громко прокашлялся, пытаясь привлечь внимание, но Бонобо не остановился.

«Постараюсь не обращать внимания, лучше сосредоточусь на произношении учителя. Все же он носитель», — чем сильнее я пытался убедить себя в этом, тем мощнее шум от ручки вонзался

в мои барабанные перепонки и бил по вискам. Как назло, стоило начать воспринимать щелчки, до меня тут же принялись доноситься и другие звуки. Кто-то вертит ручкой, кто-то сглатывает слюну, даже смех учителя — все это стало раздражать. В отчаянии я набрался терпения и сдержал желание немедленно выбежать из класса.

Наконец, наступил перерыв, и с громким скрежетом стула Бонобо встал со своего места. Я занервничал, когда по пути к выходу он начал толкаться с парнем, похожим на орангутана. В итоге, потеряв равновесие, Бонобо задел рукой термокружку, стоявшую на задней парте. Напиток пролился, а растерянный владелец парты поспешно отодвинулся.

— Чего? Здесь кто-то был? Когда ты тут успел оказаться? — Бонобо усмехнулся и вышел из класса, даже не извинившись. Владелец парты остался стоять в одиночестве. Класс снова наполнился гомоном, будто ничего и не произошло. С покрасневшим от смущения лицом парень с последней парты достал носовой платок и принялся вытирать брюки и пол. Нахмурившись, я не сводил с него взгляда — его образ был размытым.

— Ты чего?

— Там бисквит.

Докхван поправил очки, прищурился и посмотрел в сторону того парня.

— Кто? Вон тот? Это он бисквит?

— Да.

— Странно. Ты же тоже его знаешь. Он ходил с нами в одну среднюю школу.

— Вообще, не помню. Он и в старшей с нами учится?

— Нет, выбрал другую. Кажется, далеко отсюда. Его ведь сильно травили в средней. А теперь он бисквит — не ожидал такого.

Я понимал удивление Докхвана. Этот парень не стал бисквитом, даже когда из-за издевательств в средней школе его самооценка рухнула до предела. Видимо, в старшей школе его травят еще сильнее.

— Какая стадия?

— Первая.

Большинство бисквитов остаются на первой стадии. Предполагаю, что, если хотя бы один человек в семье, школе или обществе регулярно уделяет бисквиту внимание, эта связь позволяет ему сохранить силы на защиту себя. Даже если он подвергается травле в школе или на курсах — при поддержке близких бисквит не перейдет на вторую или третью стадию. Поэтому

